Ромм Михаил

16.02.01

СИНЕМА

«Ленин в Октябре». Ленин – Борис Щукин. Василий – Николай Охлопков.

Из неопубликованного

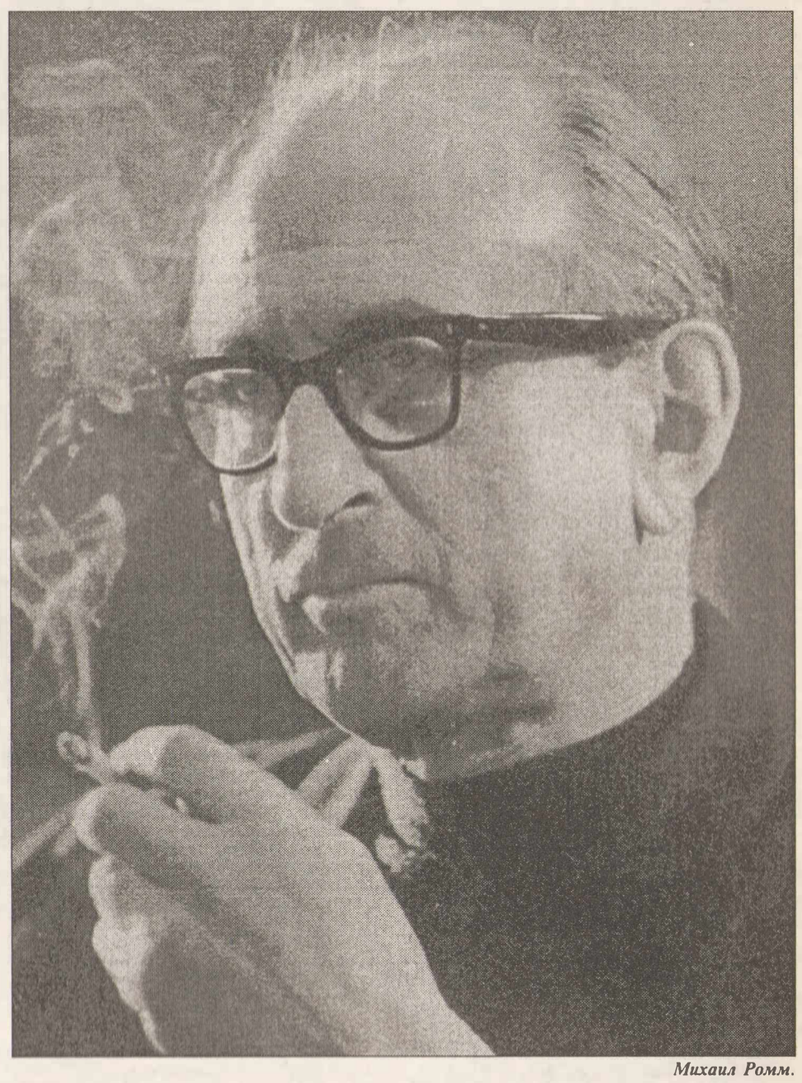
КАК ШЛА РАБОТА НАД «ЛЕНИНЫМ В ОКТЯБРЕ»

Работая в Институте искусствознания, я задумал книгу о Михаиле Ромме. Отослал ему письмо и вскоре получил ответ: «Дорогой Марк, а отчества я не помню, а справочник Союза потерял. Поэтому простите, а в следующем письме сообщите мне Ваше отчество. Я рад помочь Вам. Мне нравится идея монографии. Есть одна беда: я не сохраняю своих архивных дел и у меня очень мало документальных данных. Боюсь, что этого дела не хватит для монографии на 28 авт. листов. Но вот что я предлагаю: я готов продиктовать Вам мои собственные внутренние рецензии, свои соображения и воспоминания в связи со всеми 14 картинами, которые я сделал. Это будет очень отличаться от всего, что писали обо мне, и от всего, что я писал. Прежде всего, это будет правда, и правда двойная: правда тех времен и той эпохи, и правда сегодняшнего времени и сегодняшних моих оценок прошлого и настоящего. Думаю, что в монтаже с этими моими материалами (а ведь это тоже будет своего рода отчет – почти документальный), получится своеобразно. То, что я буду диктовать, частично впоследствии войдет в мою книгу: «14 картин и одна жизнь». Но Ваша книга выйдет до того, как я напишу свою.

Если Вас устраивает такого рода помощь, то остается решить только вопрос о стенографистке». 9.8.68.г. (См. «Кинограф» № 7) Записывал я на магнитофон его рассказы нерегулярно, около года, потом Михаил Ильич заболел. Часть этих записей вошла в мою книгу, и в тексты «Избранных произведений М.И. Ромма» (в 3-х томах), часть осталась неопубликованной.

Ниже публикуются два фрагмента из истории создания «Ленина в Октябре»; в прежние времена, по известным причинам, они напечатаны быть не могли.

Марк ЗАК



Михаил Ромм.

Михаил Ромм

I

...ОДНАЖДЫ вечером мне позвонили от Соколовской[1] и сказали, что сейчас к вам прибудет машина. Елена Кирилловна хочет с вами побеседовать по поводу «Восстания» и приглашает вас к себе на дачу.

Ну, директор – есть директор. Через 5 минут мне позвонил Райзман и спросил: «Вам звонила Соколовская?» Я говорю: «Звонила». «Меня она тоже приглашает, – сказал Райзман. – И к вам сейчас прийдет машина». – «А почему вас вызывают?» – «Не знаю», – сказал Райзман.

В это время пришла машина – роскошный, грандиозный, туристский «Линкольн» правительственный. Там уже был Райзман. Мы, теряясь в догадках, поехали куда-то на загородное шоссе, темное, куда-то в сторону Барвихи и там попали в какую-то охраняемую за зеленым забором дачу. Там нас встретил какой-то служитель. Он говорит: «Подождите. Елена Кирилловна сейчас выйдет». А вы пока сыграйте на бильярде». Там была бильярдная, мы стали гонять шары с Райзманом. Причем Райзман говорит: «Я думаю, что речь идет о том, что нам предложат вместе делать эту картину. Как вы к этому отнесетесь?» «Я уже както настроился, но вообще говоря, положение настолько серьезное и настолько ответственная задача, что я просто буду рад разделить этот труд пополам».

Он говорит: «Но, Миша, вы должны все-таки понимать, что я постарше вас, как режиссер. Все-таки вы были ассистентом Мачерета[2], а Мачерет был мой ассистент. Так что я вроде бы дед, хотя и младше вас по возрасту. «Земля жаждет», «Летчики» и разные другие картины».

Я говорю: «Я человек без претензий. Там потом поговорим, посмотрим».

В этот момент вошла Соколовская, и он успел только сказать: «Миша, но я прочитал сценарий, ведь это гибельно. Надо переписывать заново все».

Надо сказать, что Юлий Яковлевич чрезвычайно требователен к сценарию, к его логике и к точности. Я ему сказал, что сценарий я беру на себя.

Вошла прелестная Елена Кирилловна.

Был подан ужин. Пришел ее муж Яковлев, который сказал: «Ну что, собираетесь Ленина делать? Опасная штука». И ушел.

Ужинали мы вместе с Соколовской. Она показала какую-то потрясающую заграничную радиолу, какие то пластинки были, вино, изысканные яства, то, другое, третье. Время было голодное. А я еще квартиру ведь не получил. Я жил в подвале на Южинском переулке. Подвальчик был такой маленький, что в общем-то мы еле помещались с Кузьминой. Женился я на Кузьминой после «Тринадцати». Подвальчик был крохотный, кривой. Там было много смешного, но я не буду рассказывать, это чисто личное дело.

После ужина Елена Кирилловна сказала: «Ну, давайте поговорим. Пойдем ко мне». Мы пошли в ее будуар. Это был настоящий будуар, как помнится. Она сказала: «Михаил Ильич! Вы идете в пропасть. Вы не сможете сделать эту картину. Нет ни времени, да у вас на это нет и никакого опыта. Ну, вы сделали картину «Тринадцать», маленькую картину, немую картину «Пышка». Вы никогда не делали крупную картину, да может быть, вы и не умеете. Кроме того, когда вы это собираетесь делать? Когда вы собираетесь сесть за сценарий?»

Я говорю: «В первых числах июня».

«А когда вы кончите?»

Я говорю: «В первых числах июля».

«А когда вы собираетесь начинать снимать?»

Я говорю: «В первых числах августа».

«Вы собираетесь за два с половиной месяца. Возьмем, сколько времени вы будете монтировать, писать музыку месяц. Значит, за полтора месяца все это сделать надо».

Я говорю: «Я все буду параллельно делать».

«Это дикость. Один режиссер не может делать параллельные съемки. Это для одной съемки тяжелая работа, а для двух – совершенно немыслимо. Я предлагаю вам с Юлием Яковлевичем делать вместе эту картину. При этих условиях я верю в то, что, может быть, что-нибудь получится».

Я уже к этому времени понял, что это такое, и сказал, что в общем я согласен. И есть удобный способ деления: есть массовые сцены, завод, фабком, восстание, заседание у Керенского, заседание у меньшевиков и эсэров, оружие, то, другое, третье. Там Ленина нет. И есть Ленин совершенно изолированный в подполье. Можно одному человеку делать Ленина.

Райзман спрашивает: «Кто у вас Ленин?» Я говорю «Щукин». Он говорит: «Ну, это правильно». К этому времени он снял Щукина в «Летчиках».

«Я могу отдать вам любую половину. Хотите, делайте со Щукиным всего Ленина, за исключением тех эпизодов, где Ленин встречается с народом. А я возьму на себя всю огромную эпопею. Я считаю, прочем, разумнее мне делать Ленина. Я привык все-таки к стилю камерному, а вам надо делать всю эпопею».

Райзман сказал: «Я не возражаю, но видите ли, все-таки у меня гораздо больше опыта. Как это будет числиться, мне все равно – Райзман и Ромм или Ромм и Райзман, но мне необходимо право «вето». Я, знаете ли, не всегда согласен с вами. Вы ведь не вполне реалистичный режиссер и в «Пышке», и в «Тринадцати». Да и оператор ваш... Кто у вас оператор?»

Я говорю: «Волчек».

«Это совершенно другого стиля оператор, чем тот, который, я считаю, нужен был бы для этой картины. Значит, у меня будет один оператор, у вас – другой. Как это будет соединяться? Кто-то один должен вести».

Я говорю: «На это я не согласен».

Райзман говорит: «Тогда разговор не состоялся». Я говорю: «Ну, хорошо, тогда я буду делать один».

Соколовская, совершенно бледная, говорит: «Вы просто безумец. Вы губите студию и губите себя. Вы идете прямо к катастрофе. Вопрос самолюбия, а перед вами стоит большая государственная задача. Либо это картина, которую можно будет сделать профессионально, либо это будет халтура, вы меня простите, дерзкого молодого человека».

К этому времени мне было все равно, и я говорю: «Ну, хорошо, пусть будет халтура дерзкого молодого человека. Ну, какой мне смысл быть заместителем у Юлия Яковлевича, когда мне предложили эту картину? Практически Юлий Яковлевич предлагает, что я буду ему помогать». Он говорит: «Ну, зачем же ты так решил?»

Я говорю: «Я всегда найду второго режиссера, который будет мне помогать».

В общем, мы не поссорились с Юлием Яковлевичем. Юлий Яковлевич сам боялся этой картины. Мы расстались с этим, чему был очень доволен Волчек. И я уехал в Астафьево, где вдвоем с Каплером мы просидели неотступно дней 40 и закончили этот литературный вариант.

II

...У меня не было квартиры. В моем подвале работать летом было невозможно, потому что ползли клопы из соседней квартиры, ползли они армиями из окон. Жить в этом подвале было невозможно. Вдобавок у меня в руках был целый ряд секретных материалов: «Уроки Октября» Троцкого, «Воспоминания» Рахья...», который был фактически Василием и которого, по совету Шумяцкого[3], Каплер переделал в Василия. Был номер «Новой жизни» с письмом Зиновьева и Каменева, и целый ряд других вещей, которые можно было держать только в руках, в чемодане. В этом подвале это было немыслимо. Что делать? Я обратился с просьбой к Привезенцеву[4], чтобы мне достали любую тихую квартиру, потому что войти в гостиницу с этими материалами тоже было нельзя. Через три дня Привезенцев сказал мне, что квартира есть на ул. Горького, новый дом, номер такой-то, квартира такая-то. В этом же доме наверху живет Дикий, сейчас он в Ленинграде, там живет оператор Нильсен и его жена. И там есть квартира некоего Пятигорского, он сейчас в длительной командировке и свободен его кабинет, там только одна хозяйка, она будет вам готовить. Я – в совершенном восторге, что мне будут готовить, что я смогу наконец жить по-человечески, что у меня наконец будет письменный стол. Я беру свой чемоданчик с пишущей машинкой, с пижамой и всяким барахлом и по дороге захожу к Сливкину Альберту Моисеевичу.[5] Это очень интересная фигура, когда-то порученец Ленина, потом порученец Зиновьева, потом был исключен из партии, потом был директором «Ленфильма», потом был здесь. Очень интересная, сложная фигура. И жена его Мария Павловна Сливкина, которая была моим ассистентом. По «Пышке» она была моим администратором, по «Тринадцати» – ассистентом, и здесь она была моим ассистентом. Прелестная, красивая молодая женщина. А он был пожилой, толстый и очень добрый человек, очень деловой, с гигантскими связями.

Я прихожу к ним и говорю: «Ну, Мария Павловна, вопрос с квартирой улажен. И главное – рядом с вами». Они жили в доме Большого театра. «Я буду жить в доме на улице Горького». И вдруг Сливкин из другой комнаты кричит: «Какой номер дома?» Я говорю: «7-й или 8-й». Он говорит: «Квартира какая?» Я говорю: «Такая-то». Он говорит: «Не смейте туда поселяться. Вас туда поселили нарочно». – «Т.е. как нарочно?» – «Нарочно поселили. Как фамилия хозяина?» Я говорю: «Пятигорский». – «Не смейте переезжать в эту квартиру». При этом он выходит в пижаме. «Я запрещаю вам переезжать в эту квартиру». – «У меня нет другого выхода». Он говорит: «Живите пока у меня».

Но я знал, что у Сливкина самого положение было весьма сложное. Он был приятелем известного Серебровского, Тухачевского, Радека. И жить мне с этой картиной в квартире Сливкина было, мягко выражаясь, не точно – 37-й год. Я ему мог сказать: «Милый мой, неужели вы думаете, что ваша квартира более безопасна?»

Я говорю: «Хорошо, я дня три поживу там».

«Кто вам дал эту квартиру? Кто дал адрес?»

Я говорю: «Привезенцев».

«Привезенцев не мог дать. Он не знает Пятигорского и не знает этого дома».

Я говорю: «Ну, Даревский, начальник».

«Вот Даревский вам дал».

Мария Павловна говорит: «Альберт, чего ты хочешь? Я не понимаю».

Он говорит: «Я ничего не хочу. Я говорю, что нельзя туда ехать. А дальше, как хотите. Вот будете плакать».

С этим я и пошел. Прекрасная квартира. В первый же день у меня было 40 посетителей. Я стучал на машинке, срочно делал режиссерский сценарий. У меня был срок – неделя, и прошло уже 2 дня, а я написал мало. В первый день, вероятно, работая целый день, я написал 1/4 сценария. Работоспособность у меня была в те годы невероятная. Сейчас я, как ленивый осел, работаю. Тогда это было совершенно по-другому.

На второй день я продолжаю работать над режиссерским сценарием. У меня заболела голова. А хозяйка пошла наверх, этажом выше в квартиру Дикого, который в это время был в Ленинграле и должен был приехать к съемкам вместе со своей женой. И там жила жена оператора Нильсена. Я позвонил и говорю: «Девочки! Не можете ли вы мне сделать крепкий кофе? Я должен работать часов до 3».

Мне говорят: «У нас нет кофе».

Я говорю: «Я сейчас спущусь в ночной магазин, куплю кофе и принесу вам».

Я купил кофе (это было в первом часу), дал этим девушкам кофе, и они сварили мне крепкий кофе, дали какой-то кекс. Мы очень весело поужинали, после чего я спустился во втором часу обратно, чтобы работать до 4–5 часов. Рабочий день у меня был постоянно такой – я начинал в 9, а кончал в 4–5. Когда я спускался, мне показалось, что на лестнице кто-то стоит, но я не обратил внимания. Я зашел и сел работать. Через минуту звонок. Арест. Обыск. Ее – в одну комнату, меня – в другую комнату.

«Кто такой?»

Я говорю: «Такой-то».

«Что вы тут делаете?»

«Работаю над сценарием».

Первое, что они видят, – они видят пишущую машинку, они видят книги совершенно запрещенного содержания – «Уроки Октября» Троцкого, которые у меня лежали с давних времен, я ж купил в свое время комплект «Новой жизни», в то время совершенно невозможной для опубликования горьковской газеты, и еще что-то. А главное – лежал листок. Это были замечания по сценарию «Ленин в Октябре», которые были сделаны при обсуждении литературного варианта. Они были кратко мною отпечатаны на машинке. Но звучали первые строки так:

«Троцкого – гораздо крепче»

Ш.З.С. «Что это значит?»

Это инициалы Шумяцкого, Зельдовича, Соколовской.

«Второе – Точно определить срок восстания».

Третье замечание было такое – «Власть мы берем надолго. Почему бы не навсегда?»

«Деньги Сталина убрать».

Здесь вот в чем дело. Сталин спрашивал – есть ли деньги у Владимира Ильича? Не нуждается ли он в чем-то? Шумяцкий сказал, что это недостойный мотив.

Это привело в восторг низовых работников Госбезопасности.

Был вызван какой-то полковник. Полковник был занят – 37-й год.

Долго добивались, где у меня копирка, рассматривали, нет ли у меня вторых подметок в башмаках, какие у меня материалы и т.д., и т.д. А полковник все не идет и не идет. Короче говоря, пришел он уже, наверно, в пятом часу, усталый. Вижу страшно знакомое лицо. Он смотрит и говорит:

«Вы что здесь делаете?»

Я говорю: «Простите, вы по моей позе можете видеть, что я здесь делаю. Я здесь делаю режиссерский сценарий картины по указанию ЦК партии».

И вдруг я вспомнил – этот полковник присутствовал на всех приемах и проверял приходящих. Причем у него великолепная зрительная память. Он отличался тем, что, если раз он видел человека, он уже не спрашивал билет, он сразу пропускал.

Он говорит: «Черт вас дернул (с матерным ругательством) лезть в эту квартиру! Кто вас просил?»

Я говорю: «Мне негде жить».

«В другом месте могли бы жить. Одевайтесь и идите».

Я говорю: «Мне нужно собрать вещи».

«Потом все соберете, а сейчас наденьте брюки и уходите».

И в этом виде – он не дал мне ни машинку, ни наполовину готовый режиссерский сценарий, ничего («все получите потом») – вышел в пятом часу утра на улицу. Куда деваться ночью? Я пошел к Сливкину. Прихожу к Сливкину, разбудил их, говорю: «Простите, ради бога».

«Я говорил! – кричит Альберт. – Вы знаете, кто этот Пятигорский? Он заместитель Пятакова, который по ходатайству Ягоды был отпущен на поруки, а сейчас обратно взят».

Я говорю: «Почему вы мне не сказали?!»

«Я вообще никогда ничего не говорю. Я сказал только: не смейте идти в эту квартиру. Живите у меня».

Я поселился у них. Утром дикий скандал мне закатил Шумяцкий:

«Вы что делаете? Вы играете с такой картиной! Вы играете со Сталиным! Вы играете с Госбезопасностью! Не знаю, чем это кончится. Я не буду улаживать ваши дела».

Крик, стук. Я говорю: «Мне рекомендовали...»

«Кто вам рекомендовал?»

«Ну, рекомендовали».

«Соколовская вам рекомендовала?»

Я говорю: «Не знаю. Может быть, и Соколовская рекомендовала, но мне-то передал совершенно чистый человек – Николай Иванович Привезенцев».

Ну, пошумели, покричали. Мне велели явиться на Лубянку для отчета и для того, чтобы получить вещи. Но никаких вещей я не получил. Отчет я не буду передавать, это уже другое дело, очень грустное.

Так или иначе, я сел у Сливкина и стал восстанавливать режиссерский сценарий. К счастью, у меня блестящая память. На этот раз без машинки, рукой я за один день сплошной работы восстановил все, что было потеряно, и пошел дальше. Память у меня действительно в те годы была исключительная, я помнил каждый кадр. И стал работать дальше. Проработать мне удалось еще два дня, когда пришли снова арестовывать, на этот раз Сливкина. Среди пришедших 3 человек, на мое счастье, был один из тех. Меня сразу выгнали и даже дали мне режиссерский сценарий.

Сливкин был арестован и Мария Павловна. Она покушалась на самоубийство. Это была очень тяжелая история. Самый страшный был момент, который, я помню, мне рассказывали. Я сам в это время снимал. Мне рассказывала Леля, потрясенная совершенно. Когда был какой-то профсоюзный актив и там были Сливкина и Бабицкая Люба, когда началось заседание, Шумяцкий встал и сказал: «Здесь присутствуют жены врагов народа – Бабицкая и Сливкина. Мы предлагаем им покинуть зал заседания».

Среди мертвой тишины эти две женщины, которых очень любили все, вышли, и только слышно было, как стучали туфли.

Часа через два после этого ей позвонил Дарецкий и сказал: «Что вы делаете? Ваша приятельница покончила самоубийством, а вы здесь торчите».

Она побежала в квартиру Сливкиной и застала Марию Павловну. Квартира была полна газа. Она закрыла кухню и открыла все краны. Леля ее откачала, но это не помогло. Она все равно была арестована и погибла от заворота кишок, когда получила посылку, она любила пость.

Вот была обстановка, в которой 12 августа я начал снимать «Ленина в Октябре». Если к этому добавить, что был арестован Дикий и то, что я успел, вы поймете, что когда говорят: Ромм сделал легкую карьеру... Если вы еще учтете, что все это было сопряжено с неслыханно тяжким трудом...

«Ленин в 1918 году». Ленин – Борис Щукин.

[1] Соколовская Е.Д. (1894–1938) – работала директором студии «Мосфильм» с 1935 по 1937 год.

[2] Мачерет А.В. – сценарист, режиссер, теоретик кино. Был зав. сценарным отделом «Мосфильма», когда М.И. Ромм начинал кинокарьеру, работал ассистентом у Мачерета на его картине «Дела и люди».

[3] Шумяцкий Б.З. (1886–1943) с 1930 по 1937 год – начальник Главного управления кинофотопромышленности (ГУКФ).

[4] Привезенцев Николай – ассистент М.И. Ромма

[5] Сливкин А.М. – помощник Б.З. Шумяцкого.